

с) Трудовая причинность.

— Что такое „трудовая причинность“?

— Это новое понимание причинной связи, развивающееся на основе машинного производства и порождаемой им высшей формы сотрудничества.

— Почему должно на этой основе возникнуть новое понимание причинности и не может удержаться старое, свойственное меновому обществу,—идея „причинности-необходимости“?

— Потому что „причинность-необходимость“ произошла из „экономической необходимости“ менового общества, выражающей власть общественных отношений над людьми. А власть эта зависит от неорганизованности сотрудничества в его целом, от „анархии производства“. Коллективизм же означает развитие организованного сотрудничества в целом общественном классе, и борьбу этого класса против анархии производства. Таким образом, хотя рабочий практически отнюдь еще не освободился из-под господства экономической необходимости, но основы ее влияния на его мышление подрываются: против стихийных сил рынка и капитализма стоит уже не бессильный индивидуум, а организующийся классовый коллектив, который не только подчиняется им, но и реально борется с ними. Возникшая из их власти над человеком идея отвлеченной причинности с этого времени, естественно, неспособна удовлетворять нового сознания, и оно вырабатывает иной способ понимания всеобщей связи явлений.

— Откуда берется новый тип причинности, и в чем он заключается?

— Он берется из процесса производства. В своей основе это не что иное, как выражение самого общего метода машинной техники.

Машинное производство, по существу, сводится к систематическому и планомерному превращению сил или, выражаясь научнее, превращению энергии. Так, химическое сродство угля и кислорода воздуха в топке переходит в теплоту пламени; эта теплота в паровом котле—в давление пара; оно в цилиндрах становится движением поршня, затем махового колеса, ременных приводов, станков; движение станков превращается в различные изменения рабочего материала, дающие определенный продукт. Но такие же движения станков могут быть получены от работы электричества, получающего энергию из динамо-машины, в свою очередь ее черпающей, напр., из силы течения запруженной реки, или отведенной воды водопада. И эта энергия может быть при случае заменена силой ветра, а в малых размерах—силой лошади, даже человека. Вместо такого-то движения станков можно из тех же источников, но при другом механизме, получать иное, приводящее к другим продуктам,—или производить свет, или химическую энергию, и т. д.

Что это значит? Что для трудового коллектива всякий процесс природы может служить источником для получения всяких других процессов. Усилие работника тоже входит сюда; оно иногда замещает другие источники энергии, еще чаще само замещается ими. Случается, что при порче машины работник принужден временно выполнять то, что делалось ею; несравненно чаще, на каждом шагу происходит и обратное,—машина заменяет и вытесняет работника. Опыт и наука показывают, что такие превращения и замещения при подходящих механизмах могут делаться неограниченно: всякое явление природы—возможный источник всякого другого явления.

Такова практическая связь фактов для трудового коллектива во всей его жизни, в каждую минуту, в каждую секунду его деятельности. Понятно, что она и становится моделью для его мышления, его способом

понимания причинности. Причина есть источник энергии, за счет которого получается следствие. Но сама она имеет другую причину, т. е. ее энергия происходит, в свою очередь, из другого источника, и т. д., без конца: цепь причинности есть цепь превращений энергии.

Чтобы иметь технический источник энергии для своих целей, трудовой коллектив должен где-нибудь его взять, но не может просто создать: энергия, следовательно, не создается в трудовом опыте. Если труд наталкивается на враждебную, нежелательно для него направленную энергию, он может преобразовать ее в формы полезные или безвредные, но не может просто уничтожить ее: энергия не уничтожается в трудовом опыте. Но если так, то ее, очевидно, ровно столько же в причине, сколько в следствии: причина равна своему следствию. Вернее сказать: причина равна сумме своих прямых следствий, потому что на деле она переходит всегда не в одну, а в несколько разных форм. В машинном производстве труд эксплуатирует энергию природы; но ему никогда не удастся использовать взятый источник до конца. Энергия пламени идет не вся на образование пара, но частью на бесполезное нагревание окружающих предметов; давление пара не все на полезное движение механизма, но частью на вредное трение его частей, и т. п. Энергия источника переходит во всю сумму полезных и вредных результатов.

Конечно, эти результаты одни полезны, другие вредны только в данном случае, а не сами по себе. Давление пара полезно при работе, вредно при взрыве котла; трение вредно в движениях поршня, но полезно в бесконечном ремне передачи. А с общей точки зрения, с точки зрения трудового коллектива в его целом, во всей его практике, они не полезны и не вредны, а просто — формы энергии, с которыми коллектив имеет дело. Поэтому в трудовой причинности причина просто равна сумме своих следствий, взятых вместе, без различия полезных и бесполезных или вредных.

— Не есть ли эта новая „трудовая причинность“ обыкновенный „закон сохранения и превращений энергии“, каким его вырабатала буржуазная наука?

— Закон сохранения энергии в том виде, как его дает нынешняя физика и философия, есть, действительно, начало, или зародыш нового понимания причинности. И это вполне естественно: как мы уже знаем, он и возник на основе машинного производства. Но все же это не есть сама новая, коллективистическая, форма причинности. Дело в том, что господствующая теперь наука подчинена законам идеологии менового общества и сообразно им мыслит об „энергии“.

Нынешние ученые, в огромном большинстве, понимают „энергию“ вовсе не так, как мы изложили с точки зрения трудового коллектива: для них эта идея не зависит от человеческого труда. Они установили такую связь, что, напр., химическая энергия одного фунта угля при его сгорании переходит во столько-то единиц, которыми измеряется энергия тепловая. Но что именно есть эта энергия, явившаяся в двух разных воплощениях? Тут они думают разное. Одни полагают, что энергия — действительная вещь или „сущность“, которая заключается в явлениях, или из которой они состоят: помимо нас, „сама по себе“, всегда, „вечно“ она была и будет в них, в природе. Может ли новое сознание принять это? Отнюдь нет. Для него об „энергии“ не может быть и речи, если нет того, кто ее использует или стремится использовать, т. е. трудового коллектива. Если даже мы наблюдаем, что одно явление постоянно переходит в другое, как, напр., день в ночь, или зимний холод в весеннее тепло, — но если при этом нет идеи о возможности технически-планомерно получать второе явление из первого, то не возникает даже вопроса об энергии, о том, что энергия дневного света переходит в энергию ночного мрака, и т. п.

Другие полагают, напротив, что в природе никакой энергии нет, а существует она только в мышлении:

что она—лишь „символ“ или „знак“, придуманный и условно применяемый людьми для обозначения связи фактов. И этого тоже новое сознание допустить не может. Для него это вовсе не символ, который придуман несколькими учеными, а действительные силы труда и действительные сопротивления, с которыми он уже имеет или может иметь дело. В „энергии“ подразумевается настоящая борьба с природою, реальные столкновения,— которые были или будут,—с ее силами, а не простое придумывание „символов“ или знаков.

Оба старых понимания энергии,—а также и разные промежуточные между ними, существующие среди ученых,—неправильны, потому что оторваны от своей живой, общественно-трудовой основы, лишены своего истинного содержания, как это всегда делает отвлеченный фетишизм. „Энергия“ выражает практическое отношение общества к природе, и в этом ее смысл. Напр., пусть найдено, что морской прилив представляет такое-то количество механической энергии, фунт нефти—такое-то количество химической энергии. Об'ективно это значит, что если бы производство полностью овладело тем или иным явлением и до конца могло его эксплуатировать в своих целях, то за счет его преодолело бы такую-то, определенную сумму сопротивлений природы.

В новой причинности таким образом заключается идеал коллективно-трудового господства над природою. Проникая в мышление масс и укрепляясь в нем, она шаг за шагом преобразует его по всей линии, организует его в новый тип.

д) Тенденции развития науки.

— Какая область науки раньше всего подверглась преобразующему действию коллективизма?

— Науки общественные. Уже более чем полвека тому назад великий мыслитель Маркс, сознательно ставший на точку зрения пролетариата, дал методы и основы коллективистической переработки истории, политической экономии, частью также и науки о мышлении. С тех пор эта переработка продолжается.

— В чем состояла сущность переработки?

— Раньше история человечества понималась либо в духе авторитарного, либо в духе отвлеченного фетишизма. Одни видели в ней историю царей, героев, гениев, вообще авторитетов и властителей, их подвигов и деяний, определявших будто бы судьбу мира. Другие полагали, что сущность ее—в развитии идей, знаний или нравственных принципов, при чем думали, что развитие это идет само собою, по своим законам,—а идеи, управляя людьми, заставляют их действовать так или иначе, и от этого зависят исторические события.

Маркс показал, что все подобные взгляды наивны или поверхностны, не охватывают действительности. История человечества, это прежде всего — развитие производственного процесса, борьбы между обществом и природою. В процессе производства вырабатываются и складываются экономические отношения людей, а в зависимости от них и идеи. Люди—властители или подвластные, герои или массы—живут и действуют, подчиняясь силе тех способов производства и тех экономических связей, которые их окружают, в которых они воспитываются; идеи, руководящие людьми, только отражают эти же способы производства и экономические связи. Общественный труд, в его движении, в смене его форм,—основа истории.

В старой политической экономии Маркс разоблачил ее меновой фетишизм и ее буржуазно-классовый характер. Маркс показал, что меновая ценность, которую прежняя наука, следуя обывденному мышлению товаропроизводителей, считала свойством товара, есть на самом деле кристаллизованный общественный труд; капитал же, ко-

торый эта наука смешивала со средствами производства, есть общественное отношение, а именно—власть собственника средств производства над не имеющими их рабочими. Исходя из таких идей, удалось об'яснить многое, раньше непонятное в экономической жизни, и определить основное направление, по которому движется капиталистическая система, раскрыть ее тенденции, намечающие неизбежный переход в коллективизм.

Разоблачая меновой фетишизм, Маркс об'яснил его: установил его происхождение из меновой организации, его историческую необходимость, его об'ективность, т.-е. общественную пригодность и обязательность при товарном производстве,—но также его коренную ошибочность, „иллюзорность“ с точки зрения иных, высших нарождающихся отношений—коллективизма. Тем самым было положено начало научному исследованию способов мышления, их об'яснению через способы производства,—той идеологической науке, которую мы здесь изучаем.

— Почему общественные науки, наиболее молодые, наименее развитые из всех, первыми подверглись переработке в духе коллективизма?

— Потому что именно в них такая переработка была наиболее нужна. Предмет этих наук—организация людей; и понятно, что в том виде, как они были выработаны старыми классами, индивидуалистическими, они не могли служить для организации нового класса—коллективистического.

— Следует ли ожидать, что и другие науки—естественные, математические—испытают подобное преобразование?

— Несомненно, да. Весь материал этих наук при новых способах мышления должен выступить в новом свете и в иной связи. Устранение отвеченного фетишизма неизбежно изменит многое, прежде всего—в основном их понимании. Попутно мы уже видели это. Астрономия—чистая истина о небесных телах, и астрономия—учение

о способах точной ориентировки человеческого труда в пространстве и во времени—не одно и то же. Формулы законов могут остаться те же, пока не явится нового материала данных и наблюдений; но изложение, группировка содержания, объяснение методов, разграничение более важного и менее важного изменятся, раз только астрономические факты будут рассматриваться не как „абсолютные“, не оторванно от общественно-трудовой практики, а в живом соотношении с нею. То же относится и ко всякой другой науке.

— Но полезно ли такое преобразование? Разве не стремление к чистой истине привело к величайшим научным открытиям, имевшим огромное практическое значение? И напротив, смещение вопроса об истине с практическими задачами не должно ли ослабить глубину и энергию познания, отнимая у него бескорыстный, идеальный характер?

— Стремление к истине не может стать ни слабее, ни менее бескорыстным от того, что человек будет знать, что такое в действительности она есть; оно только получает иную, высшую форму.

Каждая система культуры развивает свои особенные мотивы идеального стремления к истине. Пророк феодальной эпохи искал истины святой: в своих усилиях постигнуть ее, чтобы возвестить людям,—прислушиваясь к внутреннему голосу своей души и к стихийным голосам природы, он находил ее, как откровение божества, и этим она была дорога ему, священна для него, ему была бы непонятна жажда чистой, голой, отвлеченной истины, которая говорит только то, что есть, и не более, и говорит сама по себе, а не от высшего авторитета.—Напротив, при отвлеченном фетишизме меновых организаций и культур наибольший энтузиазм, самое пламенное влечение ученых и мыслителей вызывает идея истины абсолютной, „самой по себе“; для этих непонятна жажда авторитетного откровения свыше; по так же им

чуждо стремление к истине, как живому продукту коллективно-трудового опыта и орудию общества в борьбе с природой.—Для коллективиста же, который проникнут инстинктом сотрудничества, чувством своей связи с борющимся человечеством,—пустой и безжизненной, поэтому и неинтересной казалась бы истина „сама по себе“, отрешенная от жизни; но ему близка и дорога истина, как выражение прежних усилий коллектива и орудие новых его побед.

Новый тип истины не есть ее „смешение“ с практическими задачами, а ее возвращение к единству с практической жизнью, от которой она в эпоху индивидуализма и специализации оторвалась.

— Не будет ли новое познание много сложнее, чем прежнее?

— Всякая высшая форма сложнее низшей, потому что включает в себе больше содержания; но она может быть и стройнее низшей, более совершенно организована. Без сомнения, проще полагать, что ценность есть ценность, а труд есть труд, чем понять, что ценность—кристаллизованный общественный труд; но в первом случае область обмена оторвана в познании от области труда и включает массу непонятого, во втором—она связана с областью труда, и непонятное в ней объясняется.—Вернувшись к своему источнику, общественно-трудо­вой жизни, наука делает ее понятнее, и себя—вместе с нею.

Но здесь опять надо различать общественные типы людей. Какой-нибудь узкий специалист, далекий от социально-практической жизни в ее целом, не имеющий о ней понятия, конечно, ничего не выиграет, а только проиграет, если его специальное познание будет поставлено в связь и зависимость от этой незнакомой и чуждой ему области. Астроному, не выходящему почти из своей обсерватории, бесполезно и утомительно думать о том, как его наука организует все мировое производство, распределяя элементы труда по мерам времени и по положениям в пространстве. Но для человека труда и борьбы астрономия будет понятнее как наука организа-

ционно-трудова, чем как „чистое“ знание о вещах почти бесконечно от нас далеких.

— Сохраняет ли коллективистическая наука прежнюю специализацию?

— Она не уничтожает специализации, но существенно изменяет ее характер, подобно тому как в производстве, мы видели, это делают высшие формы машинной техники. Уже в старой науке за последнее время происходит быстрое сближение научных методов разных областей, слияние раньше разрозненных наук в новые, обширные единства, как, напр., развитие общей физики на основе целого ряда прежде обособленных отраслей. Коллективизм должен, разумеется, чрезвычайно усилить эту тенденцию. Если теперь она действует без всякой планомерности, помимо всякого систематического искания объединяющих разные отрасли методов, как бы стихийно пробиваясь через царящую специализацию, то в новом мышлении это окажется иначе. Когда все науки понимаются как организационные орудия единого социально-трудового процесса, который необходимо организовать стройно и целостно, тогда вполне сознательно ставится задача — свести эти орудия к стройному и целостному единству задача выработки общих методов и точек зрения, связывающих все научные специальности.

Трудно заранее судить о том, до каких пределов эта задача будет разрешена еще при капитализме, в какой мере ее должно будет завершать коллективистическое общество. Но тенденция вполне ясна. Наука должна стать „монистической“. В ней должна сложиться система общих приемов, выводов, законов, руководящих всеми ее областями. В каждой области они будут дополняться особыми, более частными приемами, выводами, законами; но общая их основа будет по мере развития все значительнее преобладать над этой специальной их стороной.

Тогда исчезнет замкнутость отдельных отраслей, и переход от одной из них к другой станет настолько же возможным и обычным делом, как переход от одной

специальности к другой в машинном производстве. Степень однородности труда в сфере теории будет возрастать, как теперь она быстро возрастает в практике.

Нельзя в настоящее время представить конкретно науку будущего, как нельзя конкретно представить и самый коллективистический строй сколько-нибудь достоверным образом. Но направление научного развития, а с ним основные черты строения монистической науки наметились уже теперь достаточно.

— Какова должна оказаться при этом роль философии?

— Философия, как мы знаем, есть область попыток свести к единству раздробленное познание. По мере того, как наука будет становиться монистической, философия, очевидно, должна терять значение, — частью просто отпадать как ненужная больше, частью переходить в содержание монистической науки. Последнее относится, конечно, по преимуществу к той философии, которая стоит на точке зрения коллективизма. Она развивается в настоящее время, следуя за коллективистическою наукой.

Старая философия, которая создавалась классами, оторванными от непосредственной, физической борьбы с природою, была по преимуществу мирозерцанием, т.-е. стремилась дать удовлетворительную для познания картину мира. Новое миропонимание, активнотрудовое, имеющее в своей основе совокупность методов практики, изменяющей мир, и науки, руководящей этой практикою, будет уже целым мироотношением.

е) Тенденции развития искусства.

— Что нового вносит коллективизм в искусство?

— Прежде всего, разумеется, новое понимание искусства, освобожденное от всякого фетишизма, — сознание социальной сущности, социального смысла искусства.

Далее, как новая культурная сила, коллективизм естественно ведет к зарождению и развитию нового искусства; сначала классового,—в рамках капитализма, затем общечеловеческого,—по устранении классов. В этом новом искусстве центральной фигурой является уже не индивидуум, с его личными интересами, личной активностью, личной судьбой, а коллектив, сначала классовой, в его противопоставлении враждебным ему силам общества и стихий, потом общечеловеческий, в его противопоставлении природе.

— При новом понимании искусства должно ли быть отброшено и отвергнуто все старое искусство?

— Отнюдь нет. Оно только иначе воспринимается, иначе освещается коллективистическим сознанием. Каждая высшая культура получает художественное наследство от низшей, пользуется им, но по-своему.

Пусть художник феодальной эпохи изваял статую божества. Для него и его современников это произведение имеет религиозный смысл, воплощает авторитарные чувства и мысли, есть образ высшей организующей силы. Но если эту статую найдут, напр., при раскопках, в эпоху культуры индивидуалистической, меновой, то она может и здесь сохранить огромную ценность, как прекрасное художественное произведение, но в совершенно ином, вовсе не религиозном значении: она будет для созерцающих ее образом чистой индивидуальной красоты и мощи, или воплощением идей красоты и мощи. А дойдя до эпохи коллективистического сознания, она получит опять новый смысл: в ней будут видеть и чувствовать идеал жизни того коллектива,—общины, племени, сословия,—который произвел ее через своего художника, выражение вековой общности усилий, настроений, верований этого коллектива.

Аналогичным образом, читая какой-нибудь роман, драму нашей эпохи, где изображаются личности в их внутренней борьбе и внешних столкновениях, сознательный

коллективист за этими личностями, за их мотивами найдет общественный строй эпохи, борьбу социальных сил, многообразно отражающихся и преломляющихся в личных характерах; напр., он увидит в каком-нибудь конфликте долга и чувства—гнет вековой традиции, отвлеченного фетишизма над ростом жизни, и т. п.

Создавая новое искусство, коллективизм преобразует старое и сделает его своим воспитательным средством, своим организационным орудием.

— Возможно ли создание нового искусства еще в капиталистическую эпоху при коллективизме только одного класса? Не окажется ли непреодолимым препятствием угнетенное положение этого класса, недостаток досуга и материальных средств?

— Без сомнения, класс жизненно стесненный не может широко развернуть своего художественного творчества. Но, во-1), основа искусства не в досуге, а в особом строе чувств и мыслей, свойственном коллективу; строй же этот вырабатывается именно в его труде и борьбе, а не в досуге. Поэтому народное художественное творчество существовало и развивалось в классе еще более угнетенном, чем пролетариат,—в старом крестьянстве.

Во-2), многомиллионный класс, отвоевывая экономической борьбой полчаса, час досуга, получает в своей массе большее его количество, чем все свободное время какого-нибудь помещичьего класса; и из миллионов часов коллектива, себя сознающего, могут кристаллизироваться сотни и тысячи творческих часов живущих его жизнью единиц. Нет никакой необходимости, чтобы талантливый поэт или музыкант, выдвигающийся среди пролетариата, оставался в мастерской; гораздо выгоднее для коллектива, чтобы он отдался всецело своему делу, как секретари и администраторы пролетарских организаций, как их публицисты, политики, ученые. Когда коллективизм достаточно сложится в стройную систему мыслей и стремлений, тогда он, естественно, сможет овладеть творческими

талантами даже не одних пролетариев, но и людей из других классов,—как выходили же из аристократии буржуазные художники, как выходят пролетарские теоретики из буржуазной интеллигенции.

Теперь существуют только зародыши нового искусства: но они уже существуют. Их развитие должно могущественно содействовать сплочению коллектива, организации его сил. Это значение не может измеряться количеством произведений, которое, наверное, в классовую эпоху не будет особенно велико. Значение измеряется тем, насколько стройно и жизненно сумеет себя выразить коллектив через своих представителей в мире искусства. Чем полнее и глубже будет это выражение, тем больше будет сила нового художественного воспитания масс, которое позволит им овладеть для себя и сокровищами старого искусства, не подчиняясь его точке зрения, но открывая в нем свое.

f) Социальные нормы.

— Вырабатывает ли коллективизм свои социальные нормы, подобные нормам права и нравственности?

— Да, вырабатывает уже теперь: нормы товарищеской солидарности, подобные по значению, нравственным; уставы организаций, аналогичные праву, законам.

— В чем эти нормы отличаются от тех, которые свойственны прежним культурам?

Во-1), разумеется, их содержание иное, потому что они организуют совершенно иную жизнь. Это очевидно само собою: „душа“ новых норм, их принцип есть товарищеская связь, принцип чуждый старым культурам или знакомый им только в зародыше, в некоторых элементах морали организаций общинных, цеховых, дружинных и т. п.

— Во-2), новая форма понимания, свободная от фетишизма авторитарного и отвлеченного. Это—не веления верховных авторитетов, не заветы предков или богов, как древний обычай; это также и не выражение „чистой справедливости“ или „долга“, абсолютного веления индивидуальной совести. Это—просто нормы единения, сплочения, организации.

— Обладают ли они характером принудительности?

— В нынешней, классовой стадии коллективизма—обладают. Это—результат условий общественной борьбы, в которой рабочий класс живет. Нарушитель норм товарищеской солидарности выступает как представитель враждебной общественной силы; отсюда стремление активно бороться с ним; его выражением является чувство принудительности норм; а в самом нарушителе, напр., штрейкбрехере, оно вызывает соответственно чувство отвращения к себе, отражающее ту же принудительность внутренне, субъективно.

— Должна ли сохраниться эта принудительность при развитии, общественном коллективизме?

— Только до тех пор, пока, хотя отчасти и скрыто, будет продолжаться внутренняя общественная борьба, остатки и отголоски борьбы классовой,—пока новые поколения не перевоспитаются вполне в духе коллективизма. А тогда, можно предвидеть, она естественным путем исчезнет, потому что не будет для нее почвы. Социальные нормы будут понимать просто, как нормы организационной целесообразности, на подобие технических правил, которые суть правила технической целесообразности, или научных положений. Нарушители и тогда могут появляться; но они не будут представителями враждебных общественных сил, а лишь уклоняющимися, ненормальными организмами, как душевно-больные, которые неспособны усвоить правил техники или науки. Может потребоваться и насилие по отношению

к ним, но без враждебности, каково и в наше время насилие по отношению к пациентам в психиатрических больницах.

Тогда социальные нормы потеряют свое последнее сходство с правом и моралью.

г) Кризис пролетарской идеологии в мировой войне.

— Какую роль сыграла мировая война в развитии коллективистической идеологии?

— Война эта вызвала глубокий идеологический кризис в пролетарской среде. По своему историческому смыслу и значению, это — кризис перехода от частичной выработки новой идеологии в разных областях культуры к ее целостному оформлению, к ее объединяющей организации.

— В чем выразился на деле этот кризис?

— Он проходит через две фазы. Первая представляла с внешней стороны катастрофическое крушение пролетарской идеологии, поворот широких пролетарских масс и большинства их идеологов к буржуазным формам сознания, в сторону национализма и милитаризма. Вторая разворачивается в виде решительного разрыва с этой тенденцией и революционно-стремительного движения к интернационально-социалистическому классовому сознанию.

— Чем был вызван первоначальный поворот к милитаризму и национализму?

— Двумя моментами: во-1), тем, что пролетариат повсюду подчинился мобилизации, принял участие в войне, без всякой борьбы против нее; во-2), тем, что по слабости своего идеологического развития он не мог понять и охватить этот факт участия в войне со своей классовой точки зрения, не мог идеологически организовать этот новый опыт по-своему, и потому подчинился готовой чуждой идеологии.

— В силу каких исторических условий пролетариат в его массах без борьбы и протеста принял участие в войне?

— По своей производительной природе рабочий класс, без сомнения, должен быть враждебен массовому разрушению рабочих сил и продуктов труда. Но нигде во всем мире—даже в Германии, стране наибольшего развития его организации,—он не стоял на таком уровне сплоченности и силы, чтобы прямо противостать гигантскому, веками сформированному и выработанному механизму государства во всеоружии его сконцентрированных боевых средств и подготовки: подчиниться было практически неизбежно.

— Если пролетариат не мог на деле помешать войне или уклониться от участия в ней, то не является ли переход к военной, патриотической идеологии необходимым в силу этой уже одной причины, а не в силу слабости идеологического развития его масс? Раз идеология организует классовую жизнь, то какая иная, кроме военно-патриотической, была бы способна организовать отношение пролетариата к войне, в которой он участвовал?

— Нет, вынужденное участие в войне никоим образом само по себе не требует перехода к идеологии тех классов, которые добровольно ее начинают и насильно организуют участие в ней народных масс.

— Каким же являлось бы самостоятельное идеологическое отношение пролетариата к своему вынужденному участию в войне?

— Оно должно было бы основываться на последовательно проведенной классовой теории строения капиталистического общества. Теория эта говорит следующее. Рабочая сила каждого отдельного работника принадлежит отдельному капиталисту на то время, на какое она им

куплена. Но во всякое время вообще она принадлежит классу капиталистов, взятому в целом, потому что работник не может не продавать ее; и даже когда он без работы, то это значит только, что он находится в „резервной армии“ для потребностей капитала. Государство же есть организация господства капитала в его целом, воплощение власти всего класса капиталистов. Следовательно, государству принадлежит вся рабочая сила пролетариата во всякое время, когда только понадобится; а так как она неразрывно связана с жизнью и телом работников, так как в них она воплощается, то государству принадлежат жизнь и тело работников. Это—объективный социальный факт. И раз уровень организованности рабочего класса предписывает ему подчинение обстановке, вполне естественно и логично, что его рабочие силы вместе с жизнью и телом работников используются для военных целей государства.

Без сомнения, разрушительный характер военной работы противоречит жизненным стремлениям производительного класса. Но подобные противоречия обычны для каждого подчиненного класса. Напр., пролетарий считает своей задачей борьбу против эксплуатации труда капиталом; однако, сам производит прибавочную стоимость для капиталиста. Точно так же,—и в мирное время, а не только в военное,—он служит часто делу разрушения. И производство орудий, снарядов, защитных сооружений, военных судов и проведение стратегических путей, и изготовление амуниции, даже одежды, обуви, средств питания для солдат,—все это звенья одной цепи, конечный пункт которой представляют военные действия. Каждое звено цепи так же необходимо, как все другие; и было бы поистине детским самоутешением для какого-нибудь наборщика, участвующего в печатании военной газеты, или текстильщика, работающего в производстве тканей для солдатской одежды, думать, что его труд вполне мирный и что он не приложил руки к делу истребления. Такое самоутешение возможно и логично

для индивидуалиста, мыслящего раз'единенными схемами, абсолютно отделяющего свое „я“, свою волю и свою деятельность от всех чужих; но для коллективиста, мыслящего людей в связи сотрудничества, представляющего явления в организационном целом, оно совершенно неприемлемо; оно подобно тому, как если бы наводчик орудия считал себя мирным работником на том основании, что сам он не стреляет, а орудие, направленное на цель, безвредно, пока из него не выстрелят. Вопрос о моральной ответственности в явлениях такого порядка, весьма важный для индивидуалиста, с точки зрения коллективиста отпадает, как неправильно поставленный, как мнимый вопрос.

Если рабочий класс не имел возможности помешать катастрофе, и об'ективным соотношением сил был вынужден участвовать в разрушительной работе войны, то он должен был принять это положение как факт, и отнестись к нему, как и к другим отрицательным, но в данное время неустранимым фактам своего существования: подчиняясь печальной необходимости, он должен был извлекать из нее и развивать в ее пределах все положительные элементы, какие она в себе заключает. Напр., подчиняясь капиталистической эксплоатации, сознательный рабочий всегда стремился использовать, усилить и расширить то об'ективное сплочение, которое она дает рабочим массам, организуя их в процессе производства, и то коллективное сознание, которое рождается на почве этого сплочения. Подчиняясь в мирное время милитаризму с его суровой казарменной дисциплиной, он пользовался отрицательными чертами милитаризма для уяснения отсталой массе истинного характера всей капиталистической системы, а элементы военной выучки старался утилизировать как материал или почву для развития своей коллективной дисциплины. В том же смысле и направлении рабочий класс должен был отнестись и к войне — катастрофическому проявлению милитаризма.

— Что же именно положительного рабочий класс мог найти для своего развития в разрушительном процессе войны?

— Мировая война, разумеется, еще более, чем милитаризм мирного времени, дает материала для характеристики капиталистического строя с его слепыми стихийными силами, игра которых порождает расточение живых и мертвых элементов производства; материал этот особенно нагляден и понятен даже для наименее развитого сознания; в этом смысле воспитательное значение войны, при планомерном отношении к ее опыту, должно оказаться огромным. Но еще гораздо больше положительных элементов заключает в себе чисто организационная сторона войны.

Война вызывает беспримерную организационную работу, беспримерное напряжение организационных способностей человеческих единиц и коллективов. В ней организация—вопрос жизни и смерти; организационная ошибка немедленно наказывается гибелью людей, иногда тысяч и тысяч, разрушением материальных средств, часто на миллионы и миллионы. Организационная работа, хозяйственная и строевая, здесь необыкновенно широка, сложна и основана на живой инициативе. Стоит представить себе сложность хозяйства любого военного коллектива, даже наименьшей его единицы—роты. Это хозяйство, коммунистическое по своей форме, ведущееся в необычных и постоянно меняющихся условиях, разумеется, не может сводиться всецело к распоряжениям нескольких, временных и нередко случайных, начальников и к механической дисциплине со стороны остальных: без инициативного участия всех индивидуумов, по мере их организационной сознательности, оно было бы совершенно нежизнеспособно. То же относится и к строевым функциям. А в процессе современного боя судьба каждого участника и каждой коллективной единицы зависит от быстрого и целесообразного координирования всех различных элементов обстановки—природных условий, тех-

нических средств и человеческих усилий—работы организационной по существу, при чем она выполняется отнюдь не только начальниками за всех, но и каждым участником боя—за себя и, по мере его сознательности и умелости,—также за других. О сложности и широте технических функций в нынешней войне, о роли в них инициативы нет надобности и говорить особо. Все это организационное напряжение простирается не только на действующие армии: оно захватывает также весь тыл, если и с меньшей остротой, то не с меньшей глубиной, и в столь же гигантском масштабе.

Таким образом, война есть величайшая в своем роде организационная школа; и задача, с точки зрения коллективно-трудоустройственной идеологии, должна состоять в том, чтобы из этой суровой, но уже неотвратимой школы вынести наибольшую сумму организационного опыта, навыков и сил для будущего. Решение задачи достигается строгим деловым отношением к войне и ко всем ее требованиям со стороны всех ее невольных участников, индивидуальных и коллективных.

Отношение иного рода, напр., частичный, персональный саботаж военных действий, не связанный с массовым восстанием против войны, имел бы отрицательные результаты: сумма истребления и разрушения не уменьшалась бы, а только перемещалась бы,—меньше с другой, зато больше с этой стороны; а организационного опыта не получалось бы, жизнь и усилия саботирующего пропадали бы бесплодно.

Разумеется, такое решение вопроса остается в силе только до тех пор, пока не подготовлены условия для классового восстания против войны.

— В чем ближайшим образом выразился переход большеинства пролетариата на буржуазно-националистическую точку зрения по отношению к мировой войне?

— Во-первых, в ошибочном понимании причин и целей войны.

Во-вторых, в установлении „гражданского мира“ между классами для общенациональной борьбы.

— В чем состояло ошибочное понимание пролетариатом причин и целей войны, и в чем должно было заключаться правильное?

— С самого начала войны поднялся вопрос об ее виновнике. Прежняя коллективно-трудовая идеология могла предложить только одно об'яснение вопроса, но тем более убедительное, что оно в существенных чертах было выработано заранее, в связи с предвидением катастрофы. Мировая война есть кризис, обусловленный стихийными силами капитализма, как ими был обусловлен и тот стремительный рост милитаризма, завершением которого она явилась. Государство представляет организацию капиталистических классов в национальном масштабе; но в отношениях между государствами господствует анархия, подобно тому, как она господствует в отношениях отдельных предприятий. Международная анархия выражается в борьбе за обладание рынками, как и конкуренция отдельных предприятий—в борьбе за данный рынок. Последствия тоже аналогичны: конкуренция частных предприятий побуждает их развивать свою производительную силу без ограничения и согласования с другими предприятиями, из чего и возникают мирные кризисы—перепроизводство товаров; конкуренция национальных капиталов побуждает государства развивать неограниченно их организованную силу—милитаризм, что неминуемо должно было повести к мировому военному кризису. Этот последний, таким образом, есть не что иное, как кризис перепроизводства организованной, в формах государства с его армией, человеческой силы. Виновник войны—безличная стихийность капитализма, которую бесполезно и ненаучно „винить“, но которой в данное время нельзя было фактически не подчиниться.

С точки зрения националистически буржуазной идеологии виновником войны всегда является враждебная сторона, которую за это и следует наказать путем ее экономиче-

ского и всякого иного ослабления в свою пользу. И пролетарские массы обеих воюющих сторон с самого начала приняли эту концепцию, противоречившую классовому коллективистическому мышлению в самых основах.

Отсюда вытекало и определенное понимание целей войны. Виновники ее—вражеские нации, они нападают с разбойничьими и угнетательскими целями; это — варвары; борьба против них является защитой культуры и свободы. Так и всегда раньше буржуазные идеологии одевали войну в моральные фетишистические оболочки.

— Что такое „гражданский мир“?

Это—сотрудничество классов, рабочего и буржуазных, уже не только материальное и вынужденное, какое всегда было, но духовное и свободное, во имя „высших нравственных целей“ войны.

Самую яркую иллюстрацию смысла и значения гражданского мира представляет Германия. Там социал-демократия, раньше являвшаяся политическим авангардом международного пролетариата, самым решительным образом с первых дней войны приняла „Burgfrieden“, гражданский мир под неограниченной опекою государства, прежде признававшегося юнкерско-буржуазным, а теперь ставшего „общенациональным“.

Объективно работа социал-демократии по организации тыла неизбежно должна была идти на пользу государственного механизма, в рамках которого велась: там, где силы государства мобилизованы и действуют как одно целое, возрастание организованности в отдельных частях всегда увеличивает силу этого целого. Но для этого не требовалось опять-таки перемены идеологии, а требовалось только строго-деловое отношение к наличной обстановке. Наибольшие услуги по организации тыла социал-демократия оказала именно там, где она поступала сообразно своей прежней природе, и в сущности нарушала „Burgfrieden“, — напр., когда боролась с аппетитами землевладельцев и завоевывала хлебные, мясные карточки, понижение цен и проч., а также когда боролась со злоупотреблениями военной

цензуры, и т. под. Напротив, такие действия в духе „Burgfrieden“, как, положим, голосование военных кредитов, ничего не меняя в материальном положении вещей, лишь радикально искажали его в глазах масс: дело представлялось таким образом, как будто для войны нужно было согласие германского рабочего класса, и он это согласие дал; между тем на данном уровне развития сил рабочего класса государство, разумеется, не спрашивало его мнения, чтобы вступить в войну, и в его согласии совершенно не нуждалось.

В других случаях позиция „Burgfrieden“ приносила даже материальный вред силе Германии,—именно там, где она стесняла борьбу против эгоистических интересов господствующих групп, или против деморализующего властолюбия бюрократии, против неспособных начальников, агитацию против затягивания войны и пред‘явления противникам неприемлемых хищнических условий мира, и т. д. Эта позиция порождала огромную запутанность благодаря тому, что невозможно точное определение границ „гражданского мира“, и что его истолкование до крайности различно: напр., аграрии считали грубым его нарушением протесты против чрезмерных цен на хлеб, но признавали не противоречащим ему крайнее усиление цензуры и преследование рабочей прессы, а также увеличение продолжительности рабочего дня, закрепощение сельско-хозяйственных работников и т. под.

В общем гражданский мир был ярким практическим выражением идейного порабощения рабочего класса. Кроме того, это—особенно наглядный пример социально-организующей роли идеологии. Здесь старая идеология сплотила самые разнородные, непримиримо враждовавшие классы в одну национальную массу, сорганизовала их в общем действии даже вопреки жизненным интересам одного из них. Но идеология все же есть не первичный, а производный момент жизни; поэтому такое сплочение могло быть только временным,—его неизбежно должна была разрушить глубже лежащая сила противоречия жизненных и интересов.

— Как же могло, однако, произойти хотя временное идейное порабощение класса, до тех пор боровшегося за свою самостоятельность?

— Идеологические, как и всякие другие организационные формы, действуют лишь в тех рамках, до каких они выработаны, но не далее. К началу войны коллективно-трудовая идеология далеко еще не представляла из себя сложившейся, систематизированной культуры; она существовала только в зародышах и разрозненных элементах, она вырабатывалась в своих частях, но не была стройным жизненным целым. В ней не оформилась своя собственная, всюду применимая логика. Новые способы мышления применялись лишь частично, в таких кругах явлений, где опыт рабочего класса уже накопился, и где непосредственно ощутимые интересы и потребности не позволяли удерживаться на старых, выработанных другими классами точках зрения. Напр., из всей области наук переработке успели подвергнуться только политическая экономия и часть истории; пролетарское искусство не только находилось в зачатке, но и самая постановка вопроса о нем строго осуждалась многими теоретиками, как отвлечение сил и внимания рабочего класса от насущно-важного; в философских попытках господствовал хаос; политическим методам учились, главным образом, у политиков буржуазной демократии, и даже либеральной буржуазии... Целного, ясного мироотношения не было.

Что же должно было случиться, когда на сцену выступил вопрос всеобъемлющего жизненного размаха и значения и в то же время совершенно новый, — вопрос о мировом военном кризисе? Решить его с помощью зародышей новой логики и обрывков новой культуры было невозможно ни для самих масс, ни для подавляющего большинства их идеологов. Для решения необходима была законченная логика, сложившаяся культура. Своей не было, — приходилось прибегнуть к чужой, какая имелась налицо. То была буржуазная культура, логика экономической анархии, па-

ционализма, милитаризма. К подчинению практическому присоединилось рабство идеологическое. — В результате рабочий класс принял участие в войне не как подневольный работник государства, а как его преданный слуга: кроме своего тела, отдал ему свою идеологическую душу, „сознал“ свою солидарность с капиталом своей страны и противоречие своих интересов с рабочим классом других стран, и стал уже добровольно и охотно осуществлять то и другое.

Не надо, однако, думать, что рабочий класс в его целом принял националистскую идеологию в том ее грубом развитии, которое соответствует стремлениям финансового капитала и которое называется империализмом. Рабочий класс вышел из среды крестьянства и городских ремесленников; не вполне сложившееся коллективистическое сознание как-бы прикрыло своим слоем остатки прежней мелко-буржуазной идеологии; а когда оно было парализовано неожиданной обстановкой и тяжелым потрясением — разразившейся мировой грозой, — тогда это мелко-буржуазное подсознание сменило его, оказалось руководящей культурной силой. А его отношение к отечеству выражается в непосредственном, наивном патриотизме — стихийной любви-привычке к окружающему „своему“ миру, соединенной со страхом и недоверием к „чужому“, а тем более иноземному. В этот строй мышления и чувства легко вошла та, внушавшаяся буржуазией и государством, идея, что другие народы нападают на отечество как разбойники, и что надо защититься от них, а также вытребовать вознаграждение за несправедливо причиненный вред. Настоящий империализм проявляла, главным образом, часть прежней социалистической интеллигенции, менее воспитанная на товарищеском сотрудничестве и сохранившая больше соприкосновений с крупной буржуазией.

— Когда началась вторая фаза кризиса пролетарской идеологии?

— Интернационально-социалистические тенденции, имевшие за собою с начала войны лишь ничтожное мень-

шинство пролетариата воюющих стран, постепенно усиливались по мере того, как, с одной стороны, развертывалась картина войны и производимого ею разрушения, а, с другой, буржуазные классы все более открыто выражали свои стремления к захватам за счет неприятельских наций и вместе с тем—к непомерным военным прибылям за счет соотечественников. Поворотным же пунктом, с которого возвращение пролетариата к международной связи пошло революционно-ускоренным темпом, явилась российская революция, авангардом которой выступил русский рабочий класс, выставивший сразу лозунги мира, интернационализма и социализма.

— Чем об'ясняется такая инициативная роль сравнительно отсталой страны?

— Именно в силу своей отсталости Россия в войне истощилась раньше других участников, и для народа заключение мира сделалось вопросом жизни, так что национализм угас не только в рабочем классе, но и в крестьянских массах и, следовательно, в армии. Благодаря этому стала возможна политическая революция. Пролетариат стал ее руководящей силой, несмотря на свою малочисленность, потому что был все же гораздо выше по культуре и способности к организации, чем крестьянство с армией: крупная промышленность сама по себе и в России стояла довольно высоко. Лозунги пролетариата стали лозунгами всего народа, так как соответствовали интересам его масс.

По мере истощения других стран эти лозунги стали находить все более широкие и решительные отклики в их пролетариате, а затем и вообще в их народе.

— Какое значение имеет этот поворот для общего развития коллективистической идеологии?

— Во-первых, он означает освобождение рабочего класса—уже окончательное—от влияния буржуазных идеологий с их фетишами моральными и национальными, дольше всего способными подавлять классовое сознание.

Во-вторых, на практике испытанная недостаточность разрозненных и частичных форм пролетарской идеологии вынуждает пролетариат сознательно стать на путь создания своей особой целостной культуры, которая, конечно, и есть коллективистическая. Раньше ее элементы формировались по мере конкретных потребностей пролетарской жизни и борьбы, т.-е. без всякой общей планомерности: это было стихийное творчество культурных форм. Переход от него к сознательному их творчеству есть огромная культурная революция в пролетариате; это — его внутренняя социалистическая революция, которая необходимо должна предшествовать внешней социалистической революции общества.

Русский рабочий класс и в этой культурной революции выступил инициатором, несмотря на свою отсталость, — благодаря объективно создавшемуся для него положению. Ему пришлось в условиях распада народного хозяйства взять на себя экономически-организаторскую роль и тяжело испытывать на себе отсутствие выработанной системы организационных методов, форм и навыков, т.-е. своей сложившейся культуры. Это вынудило его поставить культурную задачу во всей революционной полноте и глубине.

К такой постановке задачи неизбежно должен приходить и пролетариат других стран по мере своего разрыва с остатками идеологического рабства и по мере развития своей революционной борьбы в ее новых условиях, созданных мировой войной и после-военными революциями.

Общими усилиями международного пролетариата задача будет получать шаг за шагом действительное решение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Мы обрисовали идеологические тенденции коллективизма, насколько они, с одной стороны, ясно наблюдаются в самой жизни, и насколько, с другой стороны, может мысленно продолжить их путь предвидение, пока еще слабое, нашей науки.

Наша наука сама — результат одной из этих тенденций, научно-монистической. Она должна служить общей связью, организующим звеном для целого ряда частных, донныне разрозненных отраслей: филологии, логики, этики, теории права, теории искусства... И в то же время мы видели, как она тесно соединяется с наукой экономической.

Мы наметили только основные тенденции новой культуры, и те не все. Мы не говорили о тенденциях скованных, т.-е. таких, проявления которых слишком уже подавлены современными условиями и потому слишком слабы. Для иллюстрации сейчас укажем на одну — в развитии речи.

Вряд ли можно сомневаться, что в международном коллективизме скрыта тенденция к выработке единого языка человечества, как самой общей организующей формы для мирового сотрудничества. Но в наше время эта тенденция стеснена и замаскирована влиянием борьбы национальностей, которую усиленно поддержи-

вают и обостряют господствующие классы. К этому их побуждает частью конкуренция капитала разных стран, наций и рас, частью стремление направить растущую энергию низших классов в русло борьбы национальной, вместо классовой.

Тем не менее возможно уловить и теперь тенденцию к единству языка — в области техники и науки. Всякое новое изобретение порождает ряд терминов, обозначающих части машин, их функции, отношения к ним работника, и большинство этих терминов переходит во все языки с ничтожными изменениями. То же наблюдается и в терминологии точных наук, где новые обозначения принимаются большей частью без перевода с одного языка на другой. Да и в других областях возрастающая масса „иностранных слов“ указывает на взаимное проникновение различных языков.

На этой почве возникли попытки выдумать искусственный международный язык, — „волапюк“, „эсперанто“ и др. Это — интеллигентская утопия, основанная на полном непонимании того, что есть речь. Она — основная организующая форма для всего трудового процесса, для всего трудового опыта. Единство речи может поэтому развиваться только на основе практического единства жизни человечества, а не путем условного соглашения среди борьбы народов и классов. И наивно полагать, что несколько ученых, обладающих вместе, может быть, миллионную долей общечеловеческого опыта, в силах выдумать организационную форму для всего этого опыта.

Лишь при господстве коллективизма может свободно развернуться тенденция к мировому единству речи.

Можно с уверенностью сказать, что существуют и другие важные тенденции новой культуры, частью еще более скованные, частью недостаточно бросающиеся в глаза, чтобы быть легко уловленными нашей наукою. Достаточно представить себе, как грандиозна, как подавляюще богата

современная культура: культура высшая необходимо должна явиться еще несравненно более богатою, более грандиозною.

Но во всех, известных и неизвестных нам, тенденциях коллективизма заключается один смысл, один всеобщий принцип:

Сознательно организованное об'единение всех сил человечества для борьбы с природою, для бесконечного развития власти труда над нею.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие к первому изданию	3
Предисловие ко второму изданию	8

Введение.

I. Определение идеологической науки	9
II. Методы идеологической науки:	
a) Индукция	13
b) Дедукция	26
c) Принцип причинности	28
d) Принцип приспособления	31
e) Социальная причинность	33
f) Организационная роль идеологии	40
III. Разделение, порядок изложения идеологической науки	45

Период первобытных идеологий.

I. Начало идеологий:	
a) Техническая и экономическая характеристика эпохи	53 x
b) Происхождение слова	54 x
c) Происхождение понятий	59
d) Значение первичных слов-понятий в производстве	62
II. Развитие идеологий за первобытную эпоху:	
a) Неопределенность значений первичных слов-понятий	63
b) Происхождение названий для вещей	66
c) Первичные идеи	67
d) Зародыши искусства	69
e) Первобытное мировоззрение	75

Период авторитарных идеологий.**I. Эпоха патриархального быта:**

a) Техническая и экономическая характеристика эпохи	78
b) Развитие речи	81
c) Развитие мышления	82
d) Авторитарная причинность	84
e) Анимизм	91
f) Начало религий	99
g) Обычай	105
h) Общая характеристика идеологий патриархального периода	107

II. Эпоха феодального быта:

a) Техническая и экономическая характеристика эпохи	110
b) Развитие речи и мышления вообще	114
c) Авторитарная причинность и анимизм	116
d) Феодальные религии	122
e) Отношение феодальных религий к знаниям и искусству	162
f) Письменность	131
g) Развитие обычая	133
h) Общая характеристика феодальных идеологий	136

Период индивидуалистических идеологий.**I. Идеально-индивидуалистическое общество:**

a) Техника и экономика идеально-индивидуалистического общества	139
b) Формы речи	142
c) Мышление вообще	143
d) Отвлеченная причинность — „необходимость“	145
e) Товарный фетишизм	151
f) Индивидуальное хозяйство и частная собственность	154
g) Отвлеченное знание	156
h) Отвлеченный фетишизм в искусстве	165
i) Отвлеченный фетишизм норм	168
k) Характеристика чистой меновой идеологии в ее целом	174

II. Переходные формы: рабовладельческий строй классического мира:

a) Техника и экономика античного рабовладельческого общества	176
b) Основные черты идеологии классического мира	177

	Стр.
с) Греческая философия и наука	179
д) Античное искусство	183
е) Политически-правовая жизнь классического мира	185
ф) Христианство—мировая религия конца античной эпохи	188

III. Переходные формы: 1) крепостная система; 2) ремесленно-цеховой строй; 3) торговый капитализм:

а) Техника и экономические отношения	191
б) Общий характер идеологического развития эпохи	195
с) Великие открытия и изобретения	—
д) Первые шаги демократизации знаний	200
е) Возрождение классических идеологий	202
ф) Ереси и Реформация	208

IV. Промышленный капитализм:

а) Технические и экономические условия	212
б) Масштаб и общий тип идеологического развития эпохи	213
с) Наука	221
д) Философия	232
е) Демократизация знаний	238
ф) Развитие искусства	241
г) Право, нравственность	245
б) Кризис буржуазных идеологий в мировой войне	250
и) Переходный характер капиталистической культуры	263

Идеологии коллективизма.

а) Технические и экономические основы коллективизма	266
б) Общие черты идеологий коллективизма	274
с) Трудовая причинность	280
д) Тенденции развития науки	284
е) Тенденции развития искусства	290
ф) Социальные нормы	293
г) Кризис пролетарской идеологии в мировой войне	295

Заключение	308
----------------------	-----

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ
ТОВАРИЩЕСТВО „КНИГА“

Существует с 1916 года.

МОСКВА, Тверская, 38, тел. 2-80-09, 2-64-61
ПЕТРОГРАД, Пр. 25 Окт., 74, тел. 134-34

Проф. Н. Рожков.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ В СРАВНИТЕЛЬНО- ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ.

(Основы социальной динамики).

Издание выйдет в 12-ти томах.

Вышли из печати:

- Том I. Первобытное общество. — Дикари. — Варвары. —
Феодальная революция. Ц. 1 р. 75 к. (2-ое изд.).
Том II. Феодализм в развитом состоянии. — Муници-
пальный феодализм. Ц. 1 р. 55 к. (2-ое изд.).
Том III. Падение феодализма. Ц. 1 р. 50 к. (2-ое изд.).
Том IV. Дворянская Революция в России. Ц. 1 р. 30 к.
(2-ое издание).
Том V. Конец дворянской революции. Ц. 1 р. 30 к.
(2-ое издание).
Том VI. Дворянская революция в Южной России,
Западной Европе, на древнем востоке и
в античном мире. Ц. 1 р. 40 к. (Печатается
2-ое издание).
Том VII. Старый порядок. — Господство дворянства.
Ц. 1 р. 40 к.
Том VIII. Демократическая революция в Западной
Европе. Ц. 1 р. 75 к.

Готовятся к печати:

- Том IX. Производственный (аграрный и промышлен-
ный) капитализм в Западной Европе и вне-
европейских странах.
Том X. Разложение старого порядка в России в пер-
вой половине XIX века.
Том XI. Производственный капитализм и революция
в России второй половины XIX и начала
XX века.
Том XII. Последняя стадия в развитии мирового ка-
питализма, мировая война и вторая револю-
ция в России.

